

Горбова Ирина Александровна

ПОЖЕРТВОВАНИЯ МОНАСТЫРЯМ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрена благотворительная деятельность жителей Кубанской области, осуществляемая в отношении монастырей региона во второй половине XIX – начале XX в. Государственная поддержка, которую получали монастыри, не обеспечивала их потребности, поэтому обителям требовалась дополнительная финансовая помощь. Автор выявляет основные виды пожертвований монастырям: прижизненные и по завещаниям. В результате этого монастыри получали денежные суммы, земельные участки, строительные материалы и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 50-53. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**ARTISTIC CULTURE STUDY AND MASTERING WITHIN THE FRAMEWORK
OF INTERDISCIPLINARY INTEGRATION OF ART CRITICISM – CULTUROLOGY – PEDAGOGY****Gol'dman Irina Leonidovna**, Ph. D. in Art Criticism*St. Petersburg State University of Telecommunications named after Professor M. A. Bonch-Bruевич
iragold@mail333.com*

The author reveals the specificity of artistic culture as the reflection of different arts types, the integral development of art in historical dynamics and during the modern period, and refers to artistic culture comprehension in the aspect of the interdisciplinary integration of art criticism – pedagogy – culturology that is conditioned by the need to ensure scientific-methodological support for artistic-educational process, the possibilities of the pedagogical science about art, the realization of “conformity to culture” principle at different levels of education.

Key words and phrases: artistic culture; work of artistic culture; interdisciplinary integration; art criticism reflection; pedagogical art criticism; art critic – teacher; artistic-intentional approach; methodology of art criticism.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассмотрена благотворительная деятельность жителей Кубанской области, осуществляемая в отношении монастырей региона во второй половине XIX – начале XX в. Государственная поддержка, которую получали монастыри, не обеспечивала их потребности, поэтому обителям требовалась дополнительная финансовая помощь. Автор выявляет основные виды пожертвований монастырям: прижизненные и по завещаниям. В результате этого монастыри получали денежные суммы, земельные участки, строительные материалы и др.

Ключевые слова и фразы: монастырь; благотворительность; пожертвования; имущество; доход; завещание.

Горбова Ирина Александровна*Армавирская государственная педагогическая академия
gorbova25@mail.ru***ПОЖЕРТВОВАНИЯ МОНАСТЫРЯМ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

Важное место в системе церковной жизни Кубани занимали монастыри. Помимо религиозной они сочетали в себе социальную, просветительскую, хозяйственную и другие функции. В начале XX в. на территории Кубанской области располагалось более десяти монастырских обителей. Все монастыри края, кроме Марие-Магдалиновского, были заштатными и не пользовались содержанием из государственной казны. Основными статьями дохода являлись собственные средства и пожертвования.

На сегодняшний день отсутствуют специальные исследования, посвященные благотворительной деятельности в отношении монастырей на Кубани, хотя данная тема затрагивалась в некоторых работах. Из до-революционных работ общего характера по истории Русской Православной Церкви, рассматривающих также и историю русского монашества и монастырей, следует отметить труд Игнатия Брянчанинова [9]. Региональный характер несут труды И. Д. Попко, Ф. А. Щербины и др. [11; 15].

Первой обобщающей работой постсоветского периода стала книга П. Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века», где затрагивается тема пожертвований [8]. Изучению благотворительных организаций и процессов посвящены диссертационные исследования Н. В. Вантеевой, О. И. Шафрановой, К. В. Мальцевой и других [1; 10; 14]. Несмотря на возрождающийся интерес к истории монашества в регионе, появление опубликованных исторических документов, благотворительность остается мало исследуемой проблемой региональной истории.

При рассмотрении данной темы мы использовали материалы «Ставропольских епархиальных ведомостей», документы сборника «Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.)», а также сведения, выявленные в Государственных архивах Краснодарского и Ставропольского краёв.

Целью данной статьи является рассмотрение благотворительной деятельности, направленной на поддержание монастырей Кубанской области в XIX – начале XX в.

Средства Русской Православной Церкви и ее канонических подразделений образовывались из доходов, получаемых от деятельности учреждений и предприятий РПЦ, отчислений Синодальных учреждений, епархий и т.д., доходов от ценных бумаг и вкладов, а также от пожертвований, которые добровольно приносили благотворители. Объектами внимания как личной, так и организованной благотворительности местных жителей стали такие религиозные центры, как монастыри.

Особую отрасль благотворительности составляли пожертвования на восстановление и поддержание христианских храмов и монастырей, разрушившихся от времени, построение новых, снабжение их церковной

утварью, улучшение материального быта духовенства, устройство церковных школ и т.д. Черноморская Екатерино-Лебяжская Николаевская пустынь начала существовать благодаря казакам. Для начала строительных работ казаки отчислили из своих доходов 30 000 рублей и пожертвований – 10 000 рублей, голландскими червонцами – 20. Этой суммы было достаточно для начала строительства [13]. Кроме того, генерал-майор Захарий Чепега пожаловал из собственных денег 1000 рублей, как и войсковой атаман Тимофей Котляревский [3, д. 37, л. 15 – 15 об.]. В 1849 г. Мариинской обители предоставлено было от войскового казначейства 476 рублей 91 копейка серебром [12, с. 350], а казак станицы Каневской М. П. Петренко приобрел доходный билет с непрерывным начислением 4% на имя Екатерино-Лебяжской пустыни [4, д. 512, л. 56].

В Покровском женском монастыре на добровольные пожертвования была построена новая двухэтажная кирпичная церковь с тремя престолами. Местные купцы и мещане, владевшие кирпичными, чугунолитейными заводами, железоскобяными магазинами, смогли вносить пожертвования не только деньгами, но и строительными материалами. В конце XIX – начале XX в. в Кубанской области происходило бурное развитие промышленности. Екатеринодарское купечество стало быстро богатеть и жертвовало новые крупные суммы монастырям.

Для основания монастыря необходима была земля, которая находилась во владении Черноморского войска и не могла отчуждаться. Александро-Афонский и Покровский монастыри составляли исключение. Так, в январе 1895 г. вдова войскового старшины А. А. Радченко пожертвовала земельный участок вблизи ст. Динской для устройства женского Покровского монастыря [5, д. 409, л. 1, 44], а генерал-майором И. Ф. Калиновичем было отдано в «вечное и бесповоротное владение» Александро-Афонской Зеленчукской обители имение в 800 десятин. Также в пользу Кавказского миссионерского монастыря отошел участок земли в 500 десятин, завещанный Довжик [6, д. 391, л. 41 об.]. Таким образом, часть земель монастырей перешла в их собственность благодаря сделанным пожертвованиям.

Наряду с денежными взносами, строительными материалами и землей жертвовались и вещи, представляющие религиозную значимость. Например, к открытию нового Свято-Александро-Афонского Зеленчукского монастыря шли пожертвования со всех уголков Кавказской и Екатеринодарской епархий, а также других епархий России. Так, общество станицы Передовой преподнесло монастырю деревянную часовню с пятью превосходными иконами. Ставропольская духовная семинария прислала библиотеку из нескольких сот духовных книг. Пять хоругвей, украшенных вышивкой, поступили от Ставропольского епархиального женского училища. Иоанно-Мариинский женский монастырь из своей золотошвейной мастерской направил сюда епитрахиль и фелонь из атласа, газета, парчи и шелка, шитые золотом, синелью и серебром, с галунами, шелковыми крестами и цветами. С Афонской горы была доставлена древняя риза [7, с. 135].

Екатерино-Лебяжский Николаевский монастырь при архимандрите Антонии получил многочисленные серебряные и вызолоченные богослужебные предметы, утварь и книги некогда упраздненного Межигорского Николаевского монастыря в Заднепровье. В 1902 г. жена судебного следователя А. В. Гудима подарила в Покровский женский монастырь икону Божией Матери «Всех Скорбящих Радости», написанную в Санкт-Петербурге, в память исцеления своего мужа [2, с. 1398]. В 1854 г. иеромонах Черноморской Екатерино-Лебяжской пустыни Иона отдал в пожертвование монастырской церкви две иконы Спасителя и Божьей матери на сумму 1609 рублей [12, с. 355].

В число пожертвований действующим монастырям входила как движимая, так и недвижимая часть имущества. Например, подворье с фруктовыми и виноградными садами (2 десятины) близ города Екатеринодара было пожертвовано мещанином того же города для Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни [Там же, с. 402]. Вдова унтер-офицера Евдокия Трубарова завещала недвижимое имение, находящееся в южном округе Севастополя и состоящее из дворового места с постройками, в вечное законное владение Александро-Афонскому Зеленчукскому монастырю [4, д. 512, л. 27]. Мещанин И. Г. Воркуев подарил Свято-Михайло-Афонской пустыни два дома [6, д. 743, л. 12]. Казак Балюра завещал в пользу Александро-Афонско-Зеленчукской обители недвижимое имущество в ст. Удобной Балашинского отдела. Но это имущество не приносило дохода, поэтому было продано, а деньги записаны на приход монастыря [4, д. 512, л. 121, 233].

Жертвователями были как простые, так и именитые люди. Главным благотворителем, создателем Александро-Афонского Зеленчукского монастыря в местечке Архыз стал император Александр II. Строительство храма в честь архиепископа Агафодора Спасо-Преображенского женского монастыря осуществлялось за счет добровольных дарений, в том числе 1000 рублей от царственного дома Романовых [10].

Сами духовные особы жертвовали собственные деньги на нужды как своих, так и других монастырей. Например, настоятельница Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни игуменья Олимпиада пожертвовала 50 рублей на устройство храма новоучрежденного Георгиевского женского монастыря. Первым игуменом Александро-Афонской Зеленчукской пустыни стал афонский иеромонах отец Серафим, который потратил на восстановление святыни 15 тысяч рублей золотом. Настоятель Екатерино-Лебяжской пустыни архимандрит Феофан на сооружении разных строений употребил собственные средства в сумме 1 247 рублей 30 копеек [3, д. 37, л. 15 – 15 об.].

В пользу монастырей пожертвования делались людьми разных сословий не только при жизни, но и по духовным завещаниям после смерти. Хорунжий Михаил Заблоцкий завещал денежные средства от продажи 300 лошадей передать на поминание его в Свято-Михайло-Афонский монастырь. Дочь коллежского асессора Юлия Онуфриева по завещанию отписала женскому Марие-Магдалинскому монастырю 25 рублей. Также этой обители после смерти вдовы есаула Мекотия Бойко, состарившейся при этой пустыни, полагалось 3 тысячи рублей на благоустройство. Уставной урядник А. Т. Постоев завещал все принадлежащее ему как движимое, так и недвижимое имущество продать и из вырученной суммы пятую часть отправить

в Свято-Михайло-Афонскую пустынь. Этой же обители мещанин Антон Оленич пожертвовал 50 рублей. Жена коллежского секретаря Елена Крыжановская передала Свято-Михайло-Афонской пустыни 100 рублей на вечное поминание, а Евдокия Трубарова передала недвижимое имущество в память о своих двух сыновьях, убитых при осаде г. Севастополя, для вечного поминовения родителей и детей своих [4, д. 512, л. 2, 5, 21, 23, 27, 39, 252].

В 1894 году настоятель Кавказского монастыря иеромонах Мефодий обратился к православному населению с призывом помочь монастырю: «Просим усердно тебя, благочестивый христианин, оказать свою благотворительную помощь...» [12, с. 382]. А уже в 1909 году деятелям монастырей запрещалось просить денежные средства у прихожан. Соответственно циркулярному указу Святейшего Синода о благоустройстве русских мужских монастырей воспрещалось отправление из монастырей сборщиков на монастырские нужды [Там же, с. 363]. Мещанин Афанасий Литвиненко – смотритель церквей близ Большого Зеленчука – обязывался не выпрашивать от местных жителей никаких пожертвований на церкви [Там же, с. 128].

Таким образом, пожертвования монастырям были большей частью добровольными и осуществлялись различными субъектами, каждый из которых руководствовался специфическими мотивами и принципами, ставил перед собой особые цели [14, с. 178]. Это и осознание общественного долга – жажда деятельности на общественно полезной основе, и исполнение евангельских заповедей милосердия, и любовь к ближнему, и искупление вины, и очищение души. Пожертвования в монастыри притекали и под влиянием взгляда на благотворительность как «на защиту от грехов», ведь христианская милостыня была актом спасения души дающего. Благотворители заглаживали не только свои земные грехи, но и пытались помочь душам умерших близких людей обрести свое место в раю своими земными приношениями.

Жертвователи пользовались большим авторитетом в обществе. Заниматься благотворительностью считалось престижным, почетным и глубоко уважаемым делом, признаком хорошего тона. Местная печать публиковала сведения о частных жертвователях, отчеты благотворительных объединений с указанием сумм, направляемых по назначению, призывы к участию в сборах средств. Церковь же отмечала подобную деятельность благословениями, выдачей грамот и наград. Большинство благотворителей не скрывали своих имен, но были и такие, которые желали остаться неизвестными.

Активное стремление жителей Кубанской области к занятию благотворительностью было связано не только с многочисленными войнами, в которых участвовало казачество края, и увеличением числа нуждавшихся в помощи, не только с религиозностью, но и, возможно, с корыстью, желанием увековечить свои имена в истории. Скорее всего, наблюдалось сочетание нескольких мотивов.

Личная благотворительность в пользу монастырей, являясь одним из распространенных видов благотворительной практики еще с древних времен в основном среди привилегированных сословий, в рассматриваемый период отличалась значительным увеличением числа жертвователей из разных социальных групп, имевших разные возможности. Их деятельность проявилась в двух основных формах – пожертвованиях, совершаемых при жизни и по завещаниям (деньгами, билетами, движимым и недвижимым имуществом). Указанные средства и имущество способствовали как открытию монастырей, так и их дальнейшему функционированию.

Пожертвования монастырям мотивировались, прежде всего, глубокой религиозностью, стремлением жить в согласии с духовно-нравственными традициями и осознанием того, что, поддерживая их, благотворители помогают тем, кто всегда находил в их стенах приют, еду, работу и душевное успокоение.

Список литературы

1. Вантеева Н. В. Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века [Электронный ресурс]: дисс. ... к.и.н. URL: <http://www.dissercat.com/content/obshchestvennoe-prizrenie-na-stavropole-i-kubani-v-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения: 01.03.2013).
2. Воскресенский А. Покровский женский монастырь в Кубанской области, Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. № 37. С. 1396-1404.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАСК). Ф. 250. Оп. 1.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 48.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 53.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 61.
7. Древние христианские храмы. Свято-Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела. М.: Изд. Св. Александро-Афонской Зеленчукской пустыни, 1894.
8. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Русское слово, 1999. 312 с.
9. Игнатий (Брянчанинов Д. А.), свт. О монашестве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=814> (дата обращения: 02.03.2013).
10. Мальцева К. В. Частная благотворительная деятельность женщин Ставрополья и Кубани конца XIX – начала XX в. в сфере церковных нужд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/73> (дата обращения: 02.03.2013).
11. Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Краснодар: Советская Кубань, 1998. Т. 1. 192 с.
12. Православная Церковь на Кубани: сб. документов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2001. 528 с.
13. Раздольский С. А. Монастырские обители юга России, их роль в религиозном и культурном развитии края в XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adygnet.ru/science/razdolskiy/monast/chernomorel.htm> (дата обращения: 02.03.2013).
14. Шафранова О. И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... к.и.н. Ставрополь, 2004. 227 с.
15. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Печатник, 1910. Т. 2. 854 с.

DONATIONS TO KUBAN REGION MONASTERIES IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Gorbova Irina Aleksandrovna
Armavir State Pedagogical Academy
gorbova25@mail.ru

The author considers the charity activity of Kuban region population, which was carried out in respect of monasteries in the region in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century, shows that state support received by monasteries did not satisfy their needs, so monasteries needed additional financial assistance, reveals the main types of donations to monasteries: lifetime and under the will; and tells that as a result monasteries received the sums of money, lands, building materials, etc.

Key words and phrases: monastery; charity; donations; property; income; will.

УДК 347.97

Юридические науки

Статья посвящена неясности определения критериев разграничения подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, что, по мнению автора, может повлечь нарушение одного из незыблемых принципов судостроительства – права на доступ к суду. В статье выявляются критерии разграничения подведомственности, приводятся примеры сложностей, возникающих на практике. Основное внимание автор акцентирует на возможных подходах к устранению существующей проблемы в разграничении подведомственности.

Ключевые слова и фразы: доступ к суду; подведомственность; суды общей юрисдикции; арбитражные суды; Европейский Суд по правам человека; экономическая деятельность; критерии разграничения подведомственности.

Дубейко Анастасия Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ros_nastia@mail.ru

НЕЯСНОСТЬ КРИТЕРИЕВ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ И СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА К НАРУШЕНИЮ ПРАВА НА ДОСТУП К СУДУ[©]

Право свободного доступа к суду гарантирует, что в случае нарушения прав и свобод каждый гражданин имеет реальную возможность рассмотрения своего дела в суде без каких-либо правовых и иных препятствий.

Если в государстве отсутствует реальный доступ к суду, справедливая и эффективная процедура защиты и восстановления нарушенного права, то любые другие права, закрепленные в законодательстве, будут лишь декларативными положениями, юридической фикцией.

В настоящее время наиболее полная формулировка права на свободный доступ к правосудию содержится в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Необходимо отметить, что международно-правовые стандарты права на судебную защиту должны относиться к возможности обращения в судебные инстанции и к уже инициированному судебному разбирательству.

Европейский Суд в своей практике сформулировал подход, согласно которому право на доступ к суду не носит абсолютного характера и может быть ограничено. Данные «ограничительные меры не могут изменять право доступа к правосудию таким образом, чтобы сама его сущность оказалась затронутой» [15, с. 44].

Важно отметить, что принцип доступности правосудия должен быть не просто декларирован национальным законодательством, а реально обеспечен тем лицам, чьи нарушенные права подлежат восстановлению с помощью судебного разбирательства.

В Европейском Суде по правам человека нарушения права на доступ к суду по российским делам носят единичный характер и в основном связаны с особенностями законодательства или сложившейся практики российских судов [Там же, с. 45].

Серьезной проблемой доступа к суду в российской правовой системе явилось нечеткое разграничение подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Лицо, пытаясь найти возможность судебной защиты своего нарушенного права, обращается и в суд общей юрисдикции, и в арбитражный суд, получая везде отказ. Таким образом, доступ к правосудию для заинтересованного лица закрывается.

В качестве примера можно привести дело, в котором истцу для определения подведомственности пришлось обращаться даже в Европейский Суд по правам человека.